

Наталья Романова

РАЗРЕЦЬЕ

Для сохранения памяти о
Наталье Игоревне Романовой, 2016

*Эта страница намеренно
оставлена пустой.*

Наталья Романова

РАЗРЕЧЬЕ

Для сохранения памяти о
Наталье Игоревне Романовой, 2016

Об этой книге

Эта книга является первым электронным изданием последней известной в данный момент книги Натальи Романовой — «Разречье». Ее так же можно назвать первым по-настоящему широким изданием, поскольку «Разречье» было издано самиздатом тиражом всего лишь в 300 экземпляров, которые в данный момент очень тяжело найти.

Это издание основано именно на этом, единственном существующем, оригинальном издании. Оно подготовлено

инициативной группой по
сохранению памяти о Наталье
Романовой.

Дизайн обложки основан на
оригинальном дизайне,
использованном в издании 1999
года, автором которого является
Лидия Левдонская. Сохранена
оригинальная структура и
расположение рассказов. Так же
сохранена авторская орфография и
пунктуация, кроме тех случаев, где
очевидно, что имеет место
опечатка, а не авторский замысел.
В конце приведена краткая заметка
об авторе, написанная Лидией

Винокуровой, которая была в оригинальном издании.

Данное издание является всего лишь основой для последующих, более доработанных изданий.

Ссылки на новые версии должны быть на форуме сайта «Evangelion Not End», где и было положено начало проекту для сохранения памяти о Наталье Романовой.

В интернете форум доступен по адресу:

<http://eva-not-end.com/Portal/>

Так же планируется создание отдельного сайта с информацией о

Наталье Романовой и полным собранием ее произведений, адрес которого будет опубликован на вышеупомянутом форуме.

Это издание было бы невозможно без помощи следующих людей:

- Лии Матвеевны Малой
- других членов семьи Натальи Романовой и ее друзей

Мы будем рады любым отзывам, которые можно оставить по следующим каналам:

1. По адресу электронной почты nataliaromanovaorg@gmail.com
2. В теме вышеупомянутого форума, посвященной творчеству Натальи Романовой

Мы так же будем рады вашим впечатлениям от ее творчества и любой информации об авторе.

Содержание

Об этой книге.....	4
Часть I.....	11
ГЛУХАЯ СТЕНА.....	12
СМЕРТЬ.....	15
КИШКА.....	17
БЫСТРЕЕ!.....	20
ХВОСТ.....	22
СОБРАНИЕ.....	24
МИМО.....	25
ПОЗВОНОК.....	29
ГАРАНТ.....	36
ПРОШЛОЕ.....	38
ЕСЛИ БЫ.....	46
ЗАВИСТЬ.....	48
ГАЛЯ, СПАСИТЕ МЕНЯ!.....	51
ТРИ ЛИЦА.....	54
ОН УЕХАЛ В ИЗРАИЛЬ.....	59
ХЭЛОУ, БЭБИ!.....	61

Часть II.....	68
РАЗРЕЧЬЕ.....	69
ДВА ЖУКА.....	81
КТО ЕСТЬ КТО.....	90
УЛИТКА — ОЧЕРЕДНОЙ ЭКСПЕРИМЕНТ.....	94
КАНАВА.....	103
ОБ АВТОРЕ.....	112

Часть I

1970–1976 гг.

ГЛУХАЯ СТЕНА

Четыре стены. Четыре глухие стены. Отчего они глухи? Оттого, что у них нет ушей? Или глаз? Или совсем другого? Это другое не уши и не глаза. Это другое часто не знают как назвать.

У стен нет этого другого. Стена плотная, гладкая, звонкая. Все равно, из чего она: из камня, или кирпича, из досок или глины.

Стена — это стена.

Непроницаемая, ничего не желающая знать. Она окружает вас со всех сторон.

В комнате четыре стены. Есть и потолок, и пол. Они тоже вроде стен. Молчат. Они немые? Нет. Они просто стены. Много ли они видели? Нет. У них нет глаз. У них нет ушей. У них ничего нет, кроме прочности. А значит, на них можно опереться.

Вы опираетесь на стену, потому что вам больше не на что опереться. Она без ушей и глаз, без души и сердца оказалась самой прочной из всех тех, на кого можно опереться. И вы опираетесь на нее.

Четыре часа ночи. Тихо. Вокруг четыре стены. Ваши нервы

успокоились. Тишина и свои
четыре стены. Да, да, именно свои.
И вы успокоились.

Потом вы заснете. А утром все
начнется сначала: глаза, уши,
голоса. Все будут смотреть,
слушать, видеть. Все будут
говорить. Но вы будете ждать ночи.
Когда вокруг только четыре стены.

Странно? Но так уж устроен тот, у
которого два глаза, два уха, одно
сердце и, кто знает, может быть,
есть и душа.

СМЕРТЬ

Для него она наступила сразу.
Мгновенно. А я умираю медленно.
И не знаю, когда умру.

В ту ночь мне приснились двое качелей. Надо было встать на качели — и сразу наступала смерть. Это знала я, и еще кто-то. И этот кто-то в последнюю минуту сорвал с качелей белые наволочки и заменил их другими. Точно такими же какие были. Но от тех смерть наступала мгновенно, а от этих... Наволочки заменили, и это заметила одна я. А надо уже было вставать на качели, и вот тут я

быстро поменяла обратно
наволочку. Только не себе, а соседу.
А себе не успела. Он умер
мгновенно. А я... Я проснулась и
подумала — к чему этот сон?

Его любовь умерла мгновенно. Это
сделала я. Так было нужно.

Я же все качаюсь и качаюсь на
качелях смерти. И не в силах
остановить их и не в силах
умереть.

КИШКА

Какие у него удивительные кудри и глаза. И диван, на котором он лежит, тоже удивительный. Тем более удивительный, что я не видела его. Дивана не видела. Да и его самого тоже. Но разве это так уж важно?

Совсем не важно видеть его. Голос. Несколько фраз — и достаточно. Еще несколько фраз — и совсем достаточно, чтобы жить, чтобы любить, чтобы представлять.

Вполне достаточно, если бы были только я и он, и больше никого.

Но ему казалось, что этого недостаточно, и мне позвонил другой голос. И этот другой голос сказал: «А у него есть двенадцатиперстная кишка».

Казалось бы, что тут такого? У всех есть двенадцатиперстная кишка. У всех, у всех есть она. И у меня, и у того, кто сказал, и уж, конечно, у него, про кого сказали.

Исчезли кудри, исчезли глаза и диван исчез. Для меня, конечно.

И неужели только потому, что у него есть двенадцатиперстная

кишка? Неужели я так наивна, что искала того, у кого ее нет.

Он исчез совсем не потому. А потому, что у того, кто про нее сказал, нет ничего, кроме этой кишки.

БЫСТРЕЕ!

Мы едем в машине: я, мама и какой-то пассажир. Какой-то?

Это он сказал: «Быстрее!».

«Быстрее» надо было сесть в машину. Почему — «быстрее»? Почему моя мама должна была сесть «быстрее»? Да и я тоже — почему?

Но мы повиновались. И моя мама села «быстрее». И я тоже села «быстрее»!

И на меня нашел страх.

И кажется мне, что все, что вне машины, уже недосыгаемо для меня.

И не решусь я сказать:
«остановитесь», если надо будет остановиться.

Так, может быть, мы никогда не остановимся? И навсегда все, что вне машины, останется вне меня?

Но мы остановились: тому, кто сказал «быстрее», надо было остановиться.

ХВОСТ

Я пожертвовала всем. Головой и хвостом. Которого у меня, конечно, не было. Но все верили, что был...

Потому, что тоже хотели иметь, чем жертвовать. Не головой же?

Головой жертвовать нельзя. Без головы и хвоста не будет. А если хвоста не будет... Чем жертвовать?

А жертвовать надо. Ой, как надо жертвовать. И появились хвосты.

Пожертвовал хвост — и голова на месте. А голова на месте — новый хвост есть. И столько развелось хвостов, потому что голов много, и каждый одним хвостом не

удовлетворяется. Одна голова сто чужих хвостов съест, и все ей мало. Ей все новые и новые хвосты подавай.

И это бесконечно. Вот я и решила пожертвовать всем: и головой, и хвостом. Но никто этого не понял. Хвост взяли, а на голову не обратили внимания. Не в цене. Теперь новый хвост требуют. А у меня его нет. Где мне его взять — без головы.

Вот и сижу: без головы и хвоста. Что без головы — никто не замечает. А вот что без хвоста — очень удивляются.

СОБРАНИЕ

Кто-то крикнул докладчику:
«Уходите, хватит. Не по делу!».

И все посмотрели: «Кто это
сказал?». И все увидели меня.

И хотя не я это сказала, и все знали,
что не я, потому что тот голос был
мужской. Но я испугалась. А вдруг
подумают, что я?

И сама подумала: «А может это
я?».

И вспоминая глаза, обращенные ко
мне, уже точно была уверена: что
это я. Наверняка — я.

МИМО

Он заботится. Его забота
разливается по стенкам машины,
плывет, окутывает вас. Заботу
излучают его спина, затылок,
локоть. Забота в его пальцах, в
зеркале, куда он смотрит, и вы,
сидя сзади, видите его глаза.
Напряженные, заботливые,
мужские глаза. Откуда он взялся
тут? Спустился с гор, чтобы
заботиться о вас. У него широкая
спина, красиво вьющиеся волосы и
тонкое лицо. И он заботится о вас.

Гремит музыка, вам хорошо. Вы
вдвоем. Он осторожно ведет

машину. Осторожно поворачивает,
мягко тормозит.

Он не курит, он закрывает окна, он
терпеливо ждет, когда проедут
другие машины. Он мужчина. И вы
это чувствуете. И вам хочется ехать
и ехать с ним.

Но вы приехали. Зажигается свет,
вы платите деньги и выходите.

«Всего хорошего» — говорит он
вам и улыбается. А вы ничего не
отвечаете.

Вы входите к себе в подъезд. Вы у
себя.

Здесь нет того, кто должен о вас заботиться. Он остался в такси. В том или другом. Он всегда едет. Он во всех такси, которые едут по городу.

Мимо.

ПОЗВОНОК

Это было давно. Тогда я себя считала очень хорошей. Мать моей подруги заболела. У нее отрезали ногу. Но то, что было в ноге перешло в легкие, и она умирала.

У нее был колтун на голове. От долгого лежания и от рвоты. Я решила его расчесать. Я умела делать то, что я хотела. Ей было больно и он стонала. Ей не нужен был расчесанный колтун. Ей он был ни к чему. Она умирала. А я была полна сил и мне надо было его расчесать.

Мать моей подруги была кроткая женщина. Она стонала тихо. И тихо сопротивлялась. Без слов. Она была глухонемая. Я колтун расчесала.

Тогда у меня были все позвонки. Все какие и положено иметь человеку. Ряд крепких, человеческих позвонков.

А потом их стали вышибать. По одному сначала. И сначала было очень больно. Больно, но я не сгибалась. Я все помнила, какая я была хорошая. Помнила и не сгибалась. А потом согнулась. И у меня тоже был колтун. Только его

некому было расчесать. Слава
Богу!

Мне вышибли все позвонки. И
тогда я стала опять хорошей. Я
никак не могла понять как это
существуют люди, которые умеют
настоять, приказать, повелеть. А
главное — решить. Решить
наказать. Решить осудить. Я ничего
такого не могла. Я ничего не могла
решить.

Я сидела на собрании и передо
мною сидело лицо. Крупное,
толстое, уверенное. И сдержанное.
А сдерживало это лицо свою
наглость. И очень гордилось, что

сдерживает ее. Ведь могло оно и не сдерживать ее. По положению могло.

А я по положению наглости не имела. И тоже гордилась этим. Уж очень хорошая я. Кроткая очень. Тихая. И скромная тоже. И ни капли наглости. И уверенности никакой. И достоинства...

Пришел к нам один человек. Выверченный весь. Есть такие молодые люди. Позвонков у него — полтора столба. Скажете не бывает? Все на него смотрят и жалко им его: все же полтора

столба. А с другой стороны
хорошо: ведь полтора столба!

И мне стало хорошо. Потому что
он на меня внимание обратил. И не
могла я от его внимания отказаться.
Ведь не просто кто-нибудь обратил,
а он, а у него полтора столба. И уж
если он...

А он на меня внимание обратил, а в
это время другого человека
(Близкого мне очень. Ну самого
близкого. Когда ближе не бывает.
Мою мать.) обидел. И не просто
обидел, а как только такой человек,
как он, умеет обидеть.

Я тут должна была заступиться, а если не заступиться, то хотя бы дать понять, что я не с ним, не заодно. Что я на другом полюсе.

Или вообще ничего не сказать. Вроде и нет меня. И то было бы достаточно.

Но я не устояла. У него было позвонков полтора столба, а у меня ни одного. И я не устояла. Я не отказалась от него. Я улыбнулась ему.

И он расцвел.

И я тоже расцвела.

А мама мне сказала, что иначе и
нельзя было. Иначе было бы
неудобно.

Вот я и не знаю. Сколько надо
иметь позвонков?

ГАРАНТ

Я увидела в машине табличку и испугалась. Он гарантирует отличное обслуживание. Его зубы гарантировали, улыбка, курчавые волосы, кожаная куртка, плечи, ноги, пальцы, ну все, все гарантировало.

Мне стало неудобно, неловко, а вдруг что-нибудь откажет. Ну, скажем, нос возьмет и засопливится и оттуда микробы, зараза, где уж тут отличное обслуживание. Или, чего еще хуже, чихать начнет, а вдруг икнет... А вдруг еще что-нибудь случится.

Даже не знаю, что, но страх, страх того, что может что-то случиться, не отпускал меня. И я притихла, почти не дышала. А он... Он улыбался и кланялся и кивал предупреждающе, и... Ничего, *ничего* не случилось. Мы доехали. Я расплатилась, вышла из машины. А он поехал дальше — гарантировать.

ПРОШЛОЕ

Мое прошлое пришло внезапно.

Пришло тряпкой и ведром.

В дверь позвонили: «Из домоуправления. Воды дадите?» — и попятилась назад: «Ой, я ж совсем забыла».

Я сразу поняла. Но не поверила. Не могла поверить. Не хотела.

— Заходите, заходите.

Я была любезна. Я забрала волосы, я сняла рваный халат. Я старалась выглядеть, как можно лучше.

— Заходите, заходите.

И она зашла, с опаской взирая на меня.

— Вот сюда, пожалуйста.

Я ушла в комнату, чтобы причесаться получше. И вдруг услышала треск, шипение воды и крик: «Что это у вас?!».

Я вбежала в ванну. Вода из шланга била во все стороны.

— Что это у вас?

Женщина с ведром была напугана так, словно ей подложили бомбу. «А чего еще можно было ждать от

этой квартиры?» — говорили ее глаза и весь ее вид.

Женщина пятилась к дверям.

— Не уходите, — попросила я спокойно. Это же ничего особенного, это душ порвался.

— Давайте сюда ведро. Вот сюда.

— И я пристроила ведро между умывальником и ванной. Разумно пристроила. И моя разумность остановила женщину. Та принялась наливать воду.

Я снова ушла в комнату. И услышала:

— Господи, куда принесло?!

— Чем это мы вам не нравимся? —
спросила я любезно, выходя из
комнаты.

Женщина выпрямилась. На
огромном темном туловище
небольшая темная голова
неправильной формы.

— Я ж вас знаю, — женщина
улыбнулась.

— Да? — притворно удивилась я.

— А я вас не знаю?

— Да как же?

Она обиделась: «Я ж при вашем переезде присутствовала. Это ж было лет двадцать назад. Я-то думала вы давно уехали отсюда. А вы — вот тут.» — Женщина почему-то была твердо уверена, что меня здесь не должно быть.

— Нет. Я и не думаю переезжать.

Женщина смотрела на меня с удивлением: я чувствовала — ее удивляет моя разумность.

Потом она пошла. И обернувшись, вдруг добро и нормально сказала: «Спасибо».

Вот оно — мое прошлое — думала
я. Вот оно — ужасное прошлое.
Моя болезнь.

Только меня в жизни никто так не
боялся, как эта женщина. Меня
даже любили во дворе. Тихо я себе
гуляла. Вежливо.

Она меня знает. В этом не было
сомнения.

Но что-то все-таки смущало меня.

Она меня путает, — поняла я
внезапно, — с Катей. С соседкой.
Ту увозили каждый раз на скорой.
Соседи вызывали. Она им мешала.

Она била в стены и кричала. Катя переехала. Подальше от соседей.

Значит, она меня спутала. Там, в домоуправлении, она слышала о Кате, а представляла меня. Я была больна, когда переезжала.

А сегодня эту женщину из домоуправления, которая вселяла меня в дом, попросили вымыть лестницу.

Она стоит на верхнем этаже и громко рассказывает что-то.

И струйки грязной воды текут с верхнего этажа на нижний со ступеньки на ступеньку. Со

ступеньки на ступеньку... Со
ступеньки на ступеньку...

...Чужое прошлое, которое стало
моим.

ЕСЛИ БЫ

Один и тот же кадр: он бежит навстречу мне. Добегает до середины и опять бежит. Опять — из глубины аллеи — навстречу.

Один раз, второй, третий.
Бесконечно. Только стоит закрыть глаза, и он опять будет бежать.
Навстречу. На нем тонкое пальто. В таком пальто можно только бежать.
И он бежит, чтобы не замерзнуть. А на руках красные варежки. Это мои варежки. И пальцы в этих варежках у него согнуты. Он размахивает варежками и бежит, как бегут люди, неприспособленные для

бега, но просто оттого, что холодно.

А я стою на лыжне. Стою и смотрю, как он бежит: неумело и от этого робко.

Один и тот же кадр. Я закрываю глаза, и снова он бежит.

Этого кадра не было бы, если бы он тогда добежал.

ЗАВИСТЬ

Любовь, она страшная и костлявая.

Но почему-то ее называют любовь.

Она сама себя так называет.

Пришла и сказала — я любовь. Я поверила. Долго она меня мучила.

Но я не желала ни смерти ей, ни чего другого. Ведь любовь.

Мучила, и я мучилась. И мучилась бы дальше. Я была готова на это.

Ведь если она любовь — то на всю жизнь. Но она умерла. Внезапно.

И я обрадовалась. Так свободно стало и легко. Была любовь и умерла. Ну может же любовь умереть. Все смертно.

А потом она снова пришла. Опять костлявая и страшная. И снова сказала, что любовь. Я не поверила. Ведь она умерла. А любовь, если она любовь — бывает одна. Я не верила... А она мучила и мучила. И я снова поверила. Кто же еще будет так мучить, как не она.

Но и эта любовь умерла.

И тогда я стала смеяться над ней:
«Ну что это за любовь?».

И решила не выходить.

Вот сижу. Хорошо так, спокойно.
Только вдруг захотелось воздуха

глотнуть. Да так захотелось. Ну не
явится же она сразу?

Глотнула и тут же спряталась.
Снова сижу и чувствую: рядом она.
Не поверите? И такая страшная...
И так мне жутко стало.

Выскочила я посмотреть, кто же
он? А никого нет. С тех пор хожу и
ищу. Говорят, никогда не найду и
почему-то завидуют.

ГАЛЯ, СПАСИТЕ МЕНЯ!

«Галя, спасите меня!»

Я услышала крик на лестнице.

«Галя! Спасите меня!»

Думала, дети балуются: голос был
какой-то ненастоящий.

Голос спускался по этажам! «Галя!
Спасите меня!»

Потом совсем рядом — на моей
площадке.

«Галя! Спасите меня!»

Голос взывал, голос молил.

«Галя! Спасите меня!»

Я подошла к окну. За окном стояла скорая помощь. В нее впихнули кого-то, и я увидела, как замелькали руки, головы.

«Галя, спасите меня!»

Все глуше и глуше, как будто из-под земли: «Галя! Спасите меня!». И снова вдруг звонко: «Галя! Спасите меня!»

И опять руки и головы мечутся сквозь стекла. Накидываются, заставляют замолчать. И теперь уже еле слышно: «Галя, спасите меня, Галя, спасите меня.».

А Галя стоит возле машины с тапочками в руках.

— Что это? — спрашиваю я Галю.

— Не видите что-ли — больную увозят.

Голос у Гали уверенный, правый.

У каждого есть такая Галя. А почему ей и не быть?

С тех пор, я всегда кричу: «Галя, спасите меня!».

Помогает.

ТРИ ЛИЦА

Я смотрела на нее. Не она должна была приехать. Другая женщина. Та, которая «по праву». Но приехала эта. Она была без права, да, по-моему, и не стремилась к этому. Лицо было надменно. Оно ничего не хотело. Разве немного водки. И то просто так, от скуки. Или для красоты. Неприятное лицо. Не располагающее. Оно несло в себе черты той, что «по праву». Но то было милое, а это... Красивое?... Возможно, ну и... Что?

На мгновение ее глаза засветились улыбкой и стали косые, как у зайца.

И даже понравились мне. Вообще-то я не должна была смотреть на это лицо. Ради другого, что было мне приятно, которое я любила. Перед которым несла ответ.

Но что же делать, если это лицо пришло вместо того, и если ты вежливый человек, и если на это и рассчитывают. В общем-то, это лицо ни в чем не виновато. Это не оно виновато, что его привезли, вместо того другого сюда, где любят то, другое лицо.

Виноватый есть. Он сидит рядом. Он привез. Это его право выбирать

лица, с которыми ему ехать. Это его право. Это его лица.

А я не его лицо. Не то и не это. «Не правное» и не бесправное. Я то самое лицо, к которому он привозит другие лица.

И вот так оказалось, что я должна была отлучиться, а то бесправное лицо, которое привезли, должно было остаться. И со мной должен был пойти тот, кто привез это лицо. И вот это лицо, это лицо согласилось. Насмешливо: мол, отпускаю с ним, вот и тебе выпало несказанное счастье. И вот тут. ...Не тогда, когда лицо бесправное

приехало (а я ответ держу перед другим, которое люблю). А вот теперь, когда улыбку прочитала и все в этих презрительных глазах увидела, вот теперь я и сказала: «Оставьте меня и уходите. Уходите!! Уходите!!!».

И они ушли. То лицо ушло, что права никакого не имело приезжать и Он ушел, который привез это лицо ко мне. К третьему лицу этой истории.

Откуда было знать этому бесправному лицу, что третье лицо совсем не третье. Впрочем, оно

было — третье. Оно было —
третье! Честное слово!

Третье лицо в суде.

Вы знаете, что это за лицо?

Третье лицо участвует в судебном
процессе наравне с истцом и
ответчиком.

ОН УЕХАЛ В ИЗРАИЛЬ

Мы танцевали с ним — голые. Он не умел танцевать. Но разве надо уметь танцевать, когда танцуешь голыми. Он улыбался виновато и переступал с ноги на ногу. А я старалась на него не смотреть.

Мы прощались.

Но разве так прощаются? А как прощаются? Как прощаются, когда расстаются навеки, но не умирают? Как прощаются, когда расстаются навеки, но хотят еще видеться? Хотят!

Хотят? Но тогда не прощаются.
Зачем прощались, если «хотят»!

Но мы прощались. И танцевали
голые.

ХЭЛОУ, БЭБИ!

На меня все смотрят. Я такая и не такая. Почему-то на меня всегда все смотрят. На меня не смотрели раньше. У меня был счастливый вид, нормальный вид. И никто не смотрел. Скользили взглядом. Все ведь куда-то торопятся. А теперь если и торопятся — все равно смотрят. Случилось это внезапно. В один миг.

Мы не были знакомы. Мы не видели друг друга. А значит и не были знакомы. Это я поняла только в тот миг. А до этого мне казалось, что ближе нет «ничего». Что это

сама душа говорит во мне. Я ждала звонка. Он все время звонил. Он говорил. Он умел говорить. И имя мое произносить так, как никто никогда не умел. Все замирало.

А потом он сказал: «Надо встретиться.». Я тоже понимала: надо встретиться. Мне тяжело стало ходить по улицам. Я всех видела — и никого не знала. Я знала его. Каждое слово, каждую мысль, каждое желание. Но они висели в воздухе. Отдельно от него. Они висели в воздухе без глаз и рук, без губ и бровей. У него был сломан позвоночник, у него

действительно, был сломан позвоночник. И это единственное, что я могла бы представить. Но я не представляла этого. Я смотрела в воздух, и кусочек его очерчивался в моем мозгу и заполнялся его словами, его проникающим во все голосом, тихим, нежным, ждущим.

— Не надо ничего надевать. Разве в этом дело?

И я поверила. Надела длинное пальто, какие-то несуразные брюки и шапку, уж какая была. «Разве в этом дело?».

Я дала ему все преимущества. Он должен был сидеть в машине — в инвалидной машине. И ждать. А я должна была идти. И вот я иду, иду. Машина стоит. Я иду, подхожу к машине, открываю дверцу. А сзади хохот. Какие-то молодые люди, сзади стоящие, смеются. Не над ним же. Он же в машине. Вот это был, наверное, тот самый миг.

А потом мы ходили по набережной. Он с двумя палками, ковыляя, казался мне таким прекрасным... Он с двумя палками, ковыляя, показывал, нагло глядя на меня, всю свою «красоту» — казался мне

таким прекрасным. Он, сидя в машине, с большими синими глазами страдальца казался мне таким прекрасным.

Я вышла из машины, и больше — он мне не позвонил. Пустое место заполнилось. Глаза, борода, губы. Но все это молчало. Я сидела возле телефона, я лежала возле телефона. И моя мама сидела рядом со мной. Никогда она рядом со мной не сидела. Ни тогда, когда я болела годами, ни тогда, когда надо было, и я умоляла. Никогда она не сидела рядом со мной неотступно. Она сидела рядом — десять дней.

Потом я встала. Я хожу. Но все смотрят на меня. Словно я сама смотрю на себя и вижу нечто ужасное и призываю их посмотреть тоже. И они смотрят. И я боюсь их взглядов, я избегаю их, а они смотрят.

А сегодня на меня никто не смотрит. Я, наконец, нашла способ. Я встала в очередь и купила огромную коробку стирального порошка «Хэлоу, бэби». Я иду по улице, и все меня спрашивают, где вы ее купили? «Там», — говорю я спокойно. И все бегут туда, не глядя, не замечая, у кого они

спрашивали. Я такая как все. С
коробкой в руках «Хэлоу, бэби».

Часть II

1992–1999 гг.

*Посвящается жителям деревни
Грибово*

РАЗРЕЧЬЕ

Чтобы писать, надо надышаться,
насмотреться, начувствоваться. Но
где? Как?

Все произошло как бы случайно.
Затонувший, неудачно
переброшенный через реку сапог,
заставил меня часами сидеть на
берегу и следить за солнцем,
которое высвечивало дно то в
одном месте, то в другом.

И тут я ощутила внезапный прилив чего-то давно потерянного.

Интерес. Он вливался постепенно, с каждым приходом на берег. По сути это была игра в сапог. Хотя сапог действительно был нужен. Эта пара была единственной у нас на двоих.

Мы приехали в деревню шестнадцать лет назад. И я сразу поняла — без сапог здесь нельзя. Мы жили как бы на острове. Куда не пойдешь — речка. Перейдешь — опять речка. То наша Заворыкинка, то Петровка.

История с сапогом была случайна. Мы шли за грибами, как обычно ходили — в день моего рождения. Это был ритуал. Но в этот раз все было только обозначено. Гриб, который мы нашли сразу за забором, оказался единственным. В тот день нам пришлось вернуться. Ходить босиком, по холодной осенней воде я не решалась.

Сапог уплыл быстро и стремительно, по берегу росли непроходимые заросли, казалось все кануло в вечность.

Но на следующий день я все же решила обследовать берег. Изучая

его с тщательностью бывшего исследователя, словно возвращаясь к своей юности, я установила: сапог мог лежать только в одном месте. И я уселась на тракторное ведро, которое вытащила из той же речки. Я следила за потоками воды, огибающими камни, за скоплением рыбок. Мне казалось, что рыбки должны устроить в сапоге дом. Сами рыбки не очень интересовали меня. Я понимала: здесь для меня гораздо важнее что-то другое. Рыбки — это путь не туда. Он обратно. О них я уже «все знаю».

Я приходила и приходила на берег реки, и чувствовала, что перемещение солнца, струи волн куда-то тянут меня...

Я нашла сапог. Я увидела его неожиданно, точно как и представляла, фантазируя, что он где-то лежит и ждет меня. Его остановили ветки, наклоненные над водой. Вода спала, и я увидела его. Я вытаскивала сапог долго. Уговаривала, поддев на длинную палку, чтобы он не соскочил. Мы отдышали с ним, и я говорила: «Подожди, отдохни, сейчас.». И я снова подковыривала его, а он

переворачивался, начинал
уплывать, но останавливался и
старался слушаться.

...Да, все было случайно. Ранняя
осень, увядающие репы,
обнажившийся вдруг берег,
внезапно открывшаяся глазу река,
бегущая по камням, глухой лес... И
найденный вдруг сапог... Все это
заставило меня окунуться во что-то
совершенно новое. Что-то тянуло
меня к реке и противиться не было
сил.

Самым действенным оказался
страх. Он опутывал, проникая чуть
ли не в поры. Я шла и шла уже в

который раз, не зная дороги, зная только, что где-то совсем рядом должна протекать большая речка Шаня. В нее впадала другая — из деревни Петровки. К этой другой я выходила множество раз, но главной — Шани не могла найти.

Клещи кусались и забивались под платок. «Вот дура, — думали они, — опять пришла». Кроме меня тут никто не ходил. Опята сплошняком покрывали огромные пни. Я собирала их и возвращалась домой. Я научилась ходить по солнцу. Но солнце садилось, и я мчалась обратно, боясь заблудиться,

успокаивая себя, что не зря ходила,
еще бы столько опят.

В тот раз я не стала собирать
грибы, не стала прислушиваться к
уханью не то ручья, не то птицы. Я
кричала: «Это я!» — опасаясь не
так зверей, как приезжающих
иногда из Москвы охотников,
которые вполне могли принять
меня за ворочающегося в кустах
кабана. Я мчалась вперед по
любой, попавшейся мне тропинке.
Я знала: река слева. Пусть я не
вижу ее, но она слева. Солнце тоже
слева, бьет мне в затылок. Значит,
совсем заблудиться я не могу.

Сегодня или никогда. Я шла уже в четвертый раз. Снова повернула налево, и снова вышла к реке.

Она была здесь намного шире, чем там, возле деревни Петровки, и я решила, что это и есть — Шаня. Просто я пролетела, проскочила слияние рек. И вдруг я увидела необыкновенную тропу: черная, вся изрытая, в следах, словно здесь нарочно месили грязь. Это была звериная тропа. Кабанья. Я обрадовалась ей, как будто встретила проводника. Я шла по кабаньей тропе, не сворачивая ни вправо, ни влево. Потом я бежала.

Бежала, потому что впереди открылось поле, а там, за полем, что-то совсем другое, широкое и просторное.

Там текла большая река. Совсем не такая, как та, которая в нее впадала.

Не было сомнения: я пришла туда.

Две речки сливались в одну. Это загадочное место. Разречье. Если обмакнуть ружье — оно станет метким, если выкупаться — обновишься. Два потока идут друг к другу. Сливаются, и тонкая зыбь разделяет их.

Я застыла завороженная. Речки
журчали на разные голоса...

Сколько их здесь, этих разречий,
слияний маленьких и больших.

Сколько ручьев, ручейков, рек.

Наша деревенская речка

Заворыкинка, из которой я

вытащила сапог, впадает в

Петровку, Петровка — в Шаню,

Шаня — в Угру, Угра в Оку, Ока —

в Волгу...

Величие охватило меня...

Звонящая тишина вокруг, на

противоположной стороне высокий

берег до небес. А здесь две речки

спокойно рассказывают что-то друг другу. Там, где-то очень далеко, на другом конце земли, их воды текут в Каспийское море.

Я сорвала лист и бросила в Разречье. Сначала он остановился. И долго стоял, прижатый к берегу, словно корабль, ожидающий своей очереди. Потом, получив точные указания, поплыл. Он плыл обратно, крутясь, и, наконец, выплыл на прямую. И поплыл дальше.

ДВА ЖУКА

Кто-то прошел по комнате и наступил на жука. Жук был небольшой, миллиметров пять в длину. Темно-коричневый, почти черный. От того, что на жука наступили, он не очень изменился. Чуть сплющился, да сзади, из-под крыльев, у него появилось что-то белое.

Жук прополз немного, и за ним по полу протянулась мокрая полоса. Затем он судорожно дернулся несколько раз и замер. Через некоторое время возле лампочки раздалось пронзительное

жужжание, и сверху к первому жуку слетел второй жук. Это был жук точно такой же, как и первый, такого же размера, такого же цвета, словно родной брат его.

Второй жук тотчас же подлез под первого, отчего первый перевернулся на спину. Теперь было видно его розовое брюшко. Оно тоже нисколько не было повреждено, и о смерти жука говорили только лапки, согнутые и неподвижно застывшие над брюшком. Зацепив одну из них, второй жук пополз вперед. Мокрый след на удлинился. Тогда второй

жук отпустил лапку, подполз к раздавленному жуку сзади и приник головой к его ране. При этом он все время потирал одну свою лапку о другую: видно, жидкость, вытекающая из раны, была липкой.

Но вот жидкость перестала вытекать... Здоровый жук перевернул раздавленного со спины опять на брюшко и начал снова подлезать под него, но теперь уже не сбоку, как первый раз, а сзади. Подлезал медленно, осторожно, и раздавленный жук принимал все более вертикальное

положение. Наконец он оказался просто поставленным на голову. Но второй жук тут же отполз, первый сразу упал.

Тогда второй обхватил его лапками и стал кружить. И снова потянулся по полу белый след. Здоровый опять прильнул головой к ране раздавленного.

Каждое движение второго жука было настолько осмысленным, каждое действие настолько точно и мастерски выполнялось, что казалось, он действует по определенной, хорошо ему известной программе. Казалось,

что он владеет секретом оживления
и сейчас он что-то произведет
такое, от чего мертвый жук
действительно зашевелится.

Недаром же существует наука
«бионика»!

И жук зашевелился. Он дернул
передней лапкой. Второй жук сразу
отполз и стал следить.

...Есть такие большие комары. Они
раза в три больше обыкновенных
комаров. Особенно длинные у них
ноги. Как-то такой убитый наповал
комар упал в муравейник. Обнюхав
комара со всех сторон, муравьи

начали взбираться на него. А
взобравшись, начали кусать в шею.
Больше никуда — только в шею.
Казалось, у комара голова вот-вот
отлетит. Она, словно подпиленная,
свисала то в одну сторону, то в
другую. И вдруг комар начал
подниматься. Он выпрямил
передние ноги, потом средние,
потом задние. Поднявшись, комар
встряхнул туловищем, и муравьи
покатились. Они катились одни за
другим по его ногам, как по
перилам. Медленно ковыляя, комар
шел к траве.

Муравьи оживили комара. Странно, зачем им это?.. Может, все произошло случайно? Случайно своими укусами муравьи раздражили нервные ганглии комара?

Право же, трудно иногда понять, пьет ли один из другого кровь или вливает в него жизнь.

Так, может быть, и второй жук вовсе не пытался оживлять первого? Приникая к ране, он не останавливал кровь, а просто пил ее и вертел мертвого лишь для того, чтобы кровь лилась сильнее?

...Второй жук продолжал следить. Первый больше не двигался. И снова второй жук начал переворачивать раздавленного жука со спины на брюшко, с брюшка на спину, снова начал ставить его на голову, таскать по кругу и каждый раз, как только показывалась кровь, припадать к ране.

Потом он бросил его и пополз прочь. Он уже почти дополз до стены, как вдруг повернул обратно. Он очень торопился.

Приблизившись к мертвому жуку, который оставался неподвижно лежать брюшком кверху, он

перевернул его и быстро подтянул к тому месту, где его нашел в самом начале и где еще не просох на полу мокрый след... Затем, уже не останавливаясь, опять пополз к стене. У стены жук повернул и пополз в угол, потом поднялся по плинтусу и исчез за ним.

Это были жуки-точильщики. Жуки эти точат дом, а когда их сильно пугают, «притворяются мертвыми». Никто никогда не слышал, чтобы они любили кровь.

КТО ЕСТЬ КТО

Говорят, животное — это машина.
Разума нет, одни рефлексy. И
рефлексy эти всем управляют. Едят
ли животные, любят ли, общаются
друг с другом — все это только
рефлексy.

Поймала я жука-светлячка.
Вечером это было. Летал жук. А
вокруг него голубой свет
вспыхивал. Это жук сигналы
подавал. Самка должна ему
отвечать тоже голубым сигналом. И
сигнал ее должен быть ровно через
две секунды после сигнала самца.

Тогда самец знает — самка это. И летит к ней.

Жук в стакане — лететь некуда. Стакан сверху закрыт бумагой. В бумаге дырки. Чтобы шел воздух. Кислород нужен для дыхания, для жизни и для свечения. Не будет кислорода — не произойдет биохимической реакции, и не зажжется голубой фонарик внутри светлячка.

Проснулась я ночью. Свет от маяка прорезает темноту. Ритмично, спокойно падает сигналы маяк. А жук кричит о спасении. Его позывные беспорядочны. Зажжется

и не гаснет. Долго, долго. Потом мигать начнет, потом словно огонь из пасти выбрасывает. Потом замолкнет безнадежно. И опять с новыми силами летает по стакану, и в стакане — будто фейерверк.

Но нет спасения. Никто не понимает сигналов жука. Нет вокруг светлячков. А я? Что я? Наблюдаю. Профессия у меня такая — наблюдать.

Взяла я стакан с жуком и поднесла к стене, к тому месту, куда от маяка падал свет (хотела получше рассмотреть жука). Мерно зажигается и освещает стену маяк,

согласно заложенной в него
программе. Раз, раз, перерыв: раз,
раз.

Жук настроился на ритм маяка.
Неужели надеялся, что маяк поймет
его?!

...Только ведь не поймет маяк:
машина-то из них — он.

Я открыла стакан и выпустила
светлячка.

УЛИТКА — ОЧЕРЕДНОЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Мы сидели на скамейке. Взад и вперед мимо нас ходили люди. Они шли в столовую и обратно. А наперерез им, через дорогу ползла маленькая улитка. Такая маленькая и серенькая, что я заметила ее только, когда она выполза уже на середину первой плиты. Дорога была вымощена большими квадратными плитами, уложенными в пять рядов. Между рядами виднелась земля.

«Зачем она выползла? — удивилась я, — ее же раздавят!».

Улитка ползла медленно.

Маленькие рожки на ее голове двигались во все стороны: они ощущали, видели! «А ведь она может и переползти, — подумала я. — Возможно, она умеет что-то такое, о чем мы даже и не догадываемся.».

Было утро, большинство отдыхающих с завтрака уже прошли. «В крайнем случае она спрячется в земле между плитами», — успокоила себя я.

Мы сидели на скамейке — я и моя соседка по столу. Краем глаза я следила за улиткой.

Соседка рассказывала свою историю: она жила в Баку, преподавала в институте древнерусскую литературу. Муж работал инженером на заводе. У них был дом. Двое детей. И вот все пришлось бросить и переехать в Россию. Теперь они живут в деревне, ходят четыре километра за хлебом. Соседка доит коров.

— Если бы я знала, что нам предстоит пережить, я бы никогда не поехала. Местные уговаривали

не уезжать, говорили, что защитят, но там такое творилось... И никто нам не помогает, обещали деньги и ничего не дали. Я лично голосовать ни за кого не буду, — вызывающе закончила свой рассказ соседка. — Не могу.

— Еще бы, — понимающе согласилась я, — По вас жизнь проехала колесом.

Мы встали со скамейки и пошли.

Улитка осталась переползать дорогу.

— Смотрите, она спряталась! —
обрадовалась я, когда теперь уже на
обед мы опять шли в столовую.

Улитка переползла через первую
плиту и спряталась в земле. Она
лежала тихо и не шевелилась.
Голова была втянута в панцирь,
рожки исчезли.

— Вот хитрая — тоже знает, что
здесь можно спрятаться, —
восторгалась я улиткой.

«Но зачем все-таки она ползет? —
старалась я понять на обратном
пути с обеда, опять обнаружив
улитку на том же месте. — Что ей

не сиделось на той стороне дороги? Все же будет здорово, если она переползет!» — я даже задохнулась от предчувствия.

На ужин я шла не как всегда. В доме отдыха у меня наконец появился интерес: где сейчас улитка? Все там же лежит в земле, или ползет дальше. А может быть повернула обратно: все же к тому краю, откуда она начала свою путешествие, все еще — ближе.

Улитка ползла вперед. Она была уже на самой середине дороги. Проползла два с половиной ряда, оставалось ровно столько же. Я

остановилась в нерешительности. Так легко было ей помочь. Взять, да и перенести через оставшиеся плиты.

Вокруг спешили на ужин отдыхающие. Каждую минуту она могла быть раздавлена... Я взяла себя в руки и пошла дальше. В конце концов биолог я или нет. Это же эксперимент. Если улитка начала этот путь, и сумеет его совершить, значит есть у нее для этого возможности, пусть пока неведомые нам. Ведь и она знает, что тут ходят люди.

За столом я сказала соседке:
«Улитка уже на середине дороги.
Она снова выползла на плиту.».

— Вы ее перенесли? — спросила
соседка как о чем-то само собой
разумеющимся.

— Нет, — ответила я и
почувствовала как краснею.

На обратном пути мы увидели ее.
Улитка продолжала медленно
двигаться.

— Перенесите ее, — попросила
соседка.

Я заколебалась. Мне захотелось рассказать соседке, что я биолог, что это мой эксперимент и, в конце концов, смысл моей жизни.

Я взяла улитку и перенесла на другую сторону — в траву.

КАНАВА

У нас в деревне прямо перед домом была канава. В нее сбрасывали все: туфли, бутылки, банки. Я решила ликвидировать канаву. А попросту помойку. Собрала целлофановые пакеты, за ними потянулись длинные полотна из пленки — остатки парников. Муж кричал из окна: «Оставь эту гадость!» — Но я не оставляла. Вытаскивала сапоги, ботинки, калоши...

Сосед напротив — был человек особый. Сюда он ничего не бросал. Он вообще еле ходил. Суставы, еще что-то. Когда-то он был

трактористом. Возил нас по
бесчисленным ямам и колдобинам.
Мы дружили.

В канаве были «геологические
слои» и, конечно, я собиралась
вытащить лишь то, что лежало на
поверхности.

Прошло десять лет, как мы жили в
этом доме, прежние хозяева
бросали сюда все — особенно было
много игрушек и маленьких
детских ботинок.

«Бессмысленное занятие», —
буркнул себе под нос сосед, когда я

разбежалась к нему как всегда с радостными приветствиями.

— Почему? — удивилась я.

— Канава — она и есть канава.

Наш сосед был человеком не то, чтоб немногословным, но зря слов не бросал. И я поняла: сосед недоволен.

Проблем было много. Посреди дороги стоял электрический столб. И чтобы не ездили машины, как сосед говорил, по корням его деревьев, а скорее всего — мимо его окон, он положил поперек дороги со своей стороны — бревно.

А так как с нашей стороны была канава, то места для проезда машин совсем не оставалось, и машины чудом не врезались в столб.

«Надо бы столб перенести чуток к канаве, — ворчал сосед, — где это видано, чтобы столбы ставили посеред дороги.». Конечно, этого никто не собирался делать, хотя бывший главный электрик и приходился соседу каким-то дальним родственником. И каждый раз, заходя выпить, обещал помочь.

Мне казалось, я придумала вполне разумный выход: вообще

ликвидировать канаву. Тогда машины могли бы ездить мимо наших окон. Мне лично они не мешали. Да и ездят они тут раз в день, если летом. А зимой и вообще — раз в месяц. Я думала, все обрадуются, но вышло не так.

Скептически оценив мою деятельность по очистке канавы, сосед не то чтоб в открытую перестал со мною разговаривать, но стал меня избегать. Возможно, мы разговаривали даже более, чем когда-либо. Только он про себя, а я — про себя.

Я старалась встать на его точку зрения. В конце концов он прожил в деревне всю жизнь и должна же была быть хоть какая-то логика в его сопротивлении наведению чистоты. Но волновало все это, по-видимому, только меня.

Правда, когда один из жителей, всегда особенно лихо проносившийся по деревне, зацепил-таки машиной столб, то проезжая на обратном пути, он все же вышел из машины и откатил бревно к забору. Потом сел в машину и спокойно уехал.

«Теперь-то уж сосед «заговорит»!»
— напрасно понадеялась я.

Но сосед даже не появился. Бревно
осталось лежать у забора, и все
ездили свободно туда и обратно.

У соседа было три сына. Высокие и
мощные. Они приезжали по
воскресеньям из Москвы, каждый
на своей машине и с красавицей
женой.

Они приехали в субботу вечером.
Во всех окнах сразу зажглись огни,
осветив всю улицу и наш дом. А
утром, проснувшись, я увидела, что

бревно снова лежит на прежнем месте.

Старший сын нетерпеливо ходил рядом и смотрел вдаль. Он ждал автолавку.

Я же обречено смотрела на бревно и понимала, что мне придется смириться и с помойкой, и с этим бревном, которое уже не просто перегораживало дорогу, а засело где-то внутри меня...

На крыльцо вышла жена старшего сына. В руках у нее было ведро. Легким движением, не спускаясь с крыльца, она передала ведро мужу,

и тот, подхватив его на лету, вылил
в канаву.

Столько красоты было во всем
этом. Столько чувств в движениях,
передающих ведро и
принимающих его. Столько любви,
недосказанных за ночь слов, что
внезапно вся моя юность
всколыхнулась во мне. И бревно
постепенно начало таять... И
канавка... А потом и все вдруг
потонуло в море деревенской
любви.

ОБ АВТОРЕ

Наталья Игоревна РОМАНОВА — автор более 15 книг для детей и взрослых, член Союза писателей с 1976 г. Ее книги «Муравей Красная точка», «Ищу говорящую птицу», «Семерка червей» переведены на многие языки, по ним сняты фильмы, отмеченные премиями. Ставшая всемирно известной книга «Чей это пень?» получила в США премию под названием «Родительский выбор». А повесть «Дайте кошке слово» издана в серии «Лучшие произведения отечественной и зарубежной

классики о мире животных» /изд.
«Армада», и «Зеленая серия», 1996
г./

«...Так писать о кошках вы стали
первая, и никто до сих пор вас не
превзошел» /Ольга Корф, журн.
«Дет. лит.», 1976 г./

«Книга эта /«Семерка червей»/
поэтическая. Хотя и в прозе». /Яков
Аким, журн. «Дет. Лит.», 1976 г./

«Она /«Чей это пень?» является
выдающейся книгой-картинкой для
маленьких детей». /Из статьи
американского критика/.

«...ее проза — высоко художественная». /Лев Разгон, о рассказах биолога, «Пути в незнаемое», «Сов. писатель», 1996 г./

Эти слова и многие другие сказаны о творчестве Натальи Романовой.

Книга «Разречье» — это сборник миниатюр разных лет.

I часть /1970—76 гг./ поражает своей глубинной необычностью.

«Внезапная проза» — так еще литературоведы называют такой жанр. По словам автора, такие

рассказы выливаются мгновенно,
как молния сжигая все внутри.

II часть /1992—99 гг./ — это
другое, это короткие рассказы,
которые дают силу, вливают
надежду.

Лидия ВИНОКУРОВА

/Из кн. «Точно и поэтично». РГДБ./

Романова Наталья Игоревна

РАЗРЕЧЬЕ

миниатюры

Данная электронная версия
основана на оригинале, сданном в
печать 19.08.99 г.

Макет и верстка оригинала
Кондратовой А.

Электронная версия создана
инициативной группой для
сохранения памяти о Наталье
Игоревне Романовой.

*Эта страница намеренно
оставлена пустой.*

